



ЛОҢГ-АЙЛЕНД

18+

Ли Тевес

Ли Тевес
Лонг-Айленд

«Автор»

2020

Ли Тевес

Лонг-Айленд / Ли Тевес — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-03192-0

Детективный роман начинается с обнаружения в Нью-Йорке жестоко изуродованного трупа девушки. Детективу Хансену предстоит столкнуться с серийным убийцей, давно превратившим город в свои уголья.

ISBN 978-5-532-03192-0

© Ли Тевес, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Тоби	5
Яма	8
Лиам Смит	12
Холод	14
Мотель	16
Участок	18
Дом на Ривер Стрит	20
Джессика	22
Пингвины	24
Сент-Джеймс	25
Подкрепление	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ли Тевес

Лонг-Айленд

Тоби

Питер вышел из ванной. Его крупное и распаренное тело в махровом халате волокно за собой тонкую нить пара. Напевая только ему известный мотив, он подошел к чемодану, где лежал футляр с бритвой. Несмотря на долгий перелет, он чувствовал себя полным сил и даже пританцовывал. Придерживая поля халата, Питер подошел к зеркалу на стене.

– Да, Пит, без боли на тебя и не взглянешь, – сказал он отражению в старой оправе. – Посмотри на себя: глаза навывкате, свисающие как у бассет-хаунда щеки, а это что? – пальцем он провел по линии на лбу. – По-моему очень уж похоже на морщинку. Питер обнажил желтые зубы и криво улыбнулся.

В стороне, на горке грязной одежды спал пес. Лабрадор по имени Тоби на сей раз сопровождал хозяина в его путешествии в Лондон и обратно. Вымотанный долгим перелетом, он все же краем глаза следил за перемещениями в комнате. Питер подошел ближе и подергал за его повисшую в воздухе лапу. Пес приоткрыл в недовольстве правое веко и фыркнул.

Включился проектор и на белой стене показалась картинка. Оператор, зацепив декольте ведущей новостей, переместил камеру в сторону карты восточного побережья.

– Я, кажется, все больше начинаю, напоминать отца, Тоби, – Питер грустно кивнул в сторону лестницы. Там в старой дубовой оправе возвышался портрет прошлого хозяина дома. Мужчина, облаченный в черный костюм, смотрел с едва уловимым прищуром. Единственным ярким оттенком на портрете был рубиновый перстень, украшавший его левую руку. Питер был уверен, что художник намеренно сделал акцент на камне, чтобы немного скрыть блеск искусственного глаза отца.

Тем временем, за окном, пестрая мозаика из автомобилей устремлялась все дальше вглубь восточной части острова. Поглощаемый закатом, лес наблюдал, как небосклон атаковали первые раскаты грома. Заволакивая небо хмурыми тучами, усиливался ветер. Где-то совсем рядом, раз за разом зазвучали молнии. Питер подошел к окну и увидел, как вдалеке, массивная крона дуба начала заваливаться вбок, унося за собой соседние деревья.

– Знаешь, а ведь нам повезло. Могли бы остаться в Лондоне еще на день или больше, – глядя в окно сказал Питер. Тоби, услышав голос хозяина, на мгновение наострил ушки, а затем снова свернулся калачиком. Его дыхание плавно замедлялось, пока пес не уснул крепким сном. Питер еще долго смотрел в сторону леса. Его похожие на пуговицы глаза, наблюдали как ветер играл с кронами деревьев в парке.

Скрытый от посторонних глаз, особняк принадлежал семье Питера уже больше ста лет. Первым его собственником стал предприниматель по имени Уильям Уилкшер. В конце девятнадцатого века он сколотил состояние на продаже канадской пушнины. Доподлинно, так никто и не выяснил, что вдруг заставило его перебраться в Нью-Йорк. Лишь, злые языки, поговаривали, что причиной столь спешного переезда, стало племя коренных американцев, проживающее тогда в провинции Альберта. По одной из множества версий, вождь племени объявил награду тому, кто принесет ему завернутую в бычью шкуру голову Уильяма Уилкшера.

В качестве временного укрытия, предприниматель выбрал для себя и своей беременной супруги уединенный дом, в то время, в слабо обитаемом острове Лонг-Айленд. Уильям Уилкшер был заядлым охотником, о чем и по сей день свидетельствовала коллекция диких животных на стене в прихожей. Однажды утром, Уильям Уилкшер попрощался с женой и покинул семейное поместье. Спустя сутки его обглоданное волками тело найдут в одной из расщелин

кастильских гор. Голова бедняги была отстрелена его же собственным ружьем. Спустя век, его семилетний внук Питер найдет свою мать в гараже с включенным автомобилем и шлангом ведущем выхлопные газы в салон.

Питер оставил попытки уснуть с первыми лучами солнца. «Чертова разница во времени», – подумал он, натягивая одеяло на лицо. Спустя пару минут, в комнату вполз, Тоби. Запрыгнув на кровать, он улегся у ног. Едва Питеру показалось, что сон вновь заволакивает сознание, грохот проезжающего мимо грузовика, окончательно его разбудил. Встав с кровати, он с досадой хлопнул по окну рукой, так что от старой деревянной рамы отлетел слой пожелтевшей краски. Тем временем, затаившийся лабрадор жевал кусок хозяйского одеяла. Он внимательно наблюдал, как тучная фигура, скрипя полами и бормоча одному ему известные ругательства, переваливается между комнатами.

Солнце начинало свой рутинный маневр вверх, когда выкрашенная в бордовый цвет дверь распахнулась. Тоби, как всегда, неуклюже спрыгнул с лестницы и, не дожидаясь хозяина, засеменил в сторону чащи. Убирая редкие волосы за кепку с ретро логотипом Метц, следом шел Питер. Не спеша, он пересек еще пустую магистраль, разделяющую лес, и остановился.

– Да, это то, что мне сейчас нужно, немножко поддержки от Бритни, – прошептал он и в наушниках заиграл «Born to make you happy».

Хотя кроны уже успели подсохнуть на макушке, теплые лучи еще не успели высушить землю. Оказавшись в чаще Питер не узнал знакомую ему с детства тропинку. Подошву его кроссовок тянуло вниз, всякий раз, когда он делал шаг. Питер чувствовал, как крупные куски дерна вылетали из-под ног. От непривычной манеры бежать по мокрому ковру из листьев ему пришлось внести коррективы в обычный маршрут. Пот стекал на глаза и отвлекал не меньше веток, бьющих по щекам. Из-за всех сил пытаясь не сбавлять темпа, Питер не заметил, как добрался до начала крутого подъема. В детстве, за присущую ему манеру неожиданно ускоряться и часто махать руками, его прозвали Ринго. Питер не пытался как-то протестовать или оспорить это на первый взгляд обидное прозвище. Тем более ему нравилась музыка Биттлз. Как-то однажды он даже оказался внутри знаменитого особняка «Дакота». Проходя вдоль той самой арки, где 8-го декабря 1980 года был застрелен Джон Леннон он испытал весьма смешанные чувства – пульс резко усилился, а кожа на спине покрылась слоем мурашек.

Темное пятно пота медленно завоевывало все новые пространства на футболке. Крупные капли, скопившись на макушке продолжили стекать на шею. Сделав финальное ускорение, Питер все-таки достиг, вершины холма. Он сверил пульс на часах – 135 ударов в минуту. Не плохо, учитывая в каком режиме, он провел последние две недели. Отдышавшись, он огляделся в поисках собаки. В нескольких футах от него, показался длинный рыжий хвост. Тоби, примкнув носом к земле, кружился рядом со сваленным деревом.

Спускаться по скользкой тропе, оказалось гораздо сложнее. Переступая поваленные кроны и крупные ветки, Питер всякий раз тонул в грязи. Он позвал пса, но тот не среагировал. Обычно спокойный лабрадор, продолжал лаять и привлекать внимание хозяина. Питер начал терять терпение. Он слышал, как когти Тобби скользят по поверхности. Только подойдя ближе он почувствовал, как сильно его ноздри обжигает запах снизу. Он узнал этот запах. Запах из детства, когда одним жарким днем, он все же решил заглянуть в гараж. Вдруг послышался скрип. Кусок мокрой фанеры, треснул и обвалился, потянув за собой и Питера.

Лай эхом отбивался в висках. Питер начал приходить в себя, но глаза, от удара затылком об стену, как будто покрылись пеленой. Он попытался подняться, но тут же с силой сжал зубы. Подобие крика вырвалось из его пересохшего горла. Резкое чувство боли вмиг пробудило сознание. Из его левой ноги торчала белая кость. Питер проглотил поднимающуюся вверх рвоту. Жадные вдохи оставили привкус земли и металла. А еще пыль, поднявшаяся от падения в яму, осела теперь во рту. Язык предательски онемел и словно губка, впитывая всю влагу, прилип к небу. Что-то упало на лицо, а затем вскользь оказалось на коленях. Питеру показа-

лось, будто мягкие кошачьи подушки коснулись его лица. Проведя дрожащей рукой, он обнаружил в ладони пару жирных личинок. А вот и новая партия, скользких похожих на спираль червей, приземлялись на мокрый лоб. Выпученные глаза инстинктивно повернулись в сторону света. Зрачки с надеждой вглядывались, пытаясь уловить хоть какой-то фокус.

Питер заметил капну черных волос над собой. Словно вымазанные в мазуте, они неряшливо свисали на тяжелую женскую грудь. Серую кожу на животе тормозили трупные черви. Менее удачные из них вываливались, наружу образуя под ногами живую горку. Питер поднял голову. Прямо из темноты на него смотрела женщина. Свирепо раскрыв рот, она безмолвно изображала крик. Питер Уилкшер сжал в кулак мокрую землю. Его легкие были заполнены пылью, сердце с чудовищной силой качало кровь в венах. Не в силах больше сдерживать себя, он выпустил наружу свой страх. Дикий вопль подобный вою раненого животного прокатился эхом по чаще.

Яма

Сон, преследовавший с самого детства, вновь напомнил о себе. Максим потянулся к стакану на столике. Рядом вместе с приложенными фотографиями тела лежал отчет о нераскрытом убийстве. Особого внимания фотографа были удостоены обрубленные кисти рук и вырванная челюсть. Ставшая уже классикой, практика сокрытия личности. Свет упал на предплечье и осветил татуировку – ворон с неправдоподобно длинным клювом, да еще и в шляпе. Он подошел к окну, за которым на пожарной лестнице за ним наблюдали. Как только окно поднялось, кот с перевязанным хвостом прыгнул на подоконник. Проведя мордочкой вдоль руки, он нырнул на стол и свернувшись в комочек улегся в уголке. Максим повернул старый кран и открыл потоку холодной воды возможность наполнить стакан. Его темные густые волосы блестели от пота. На недельной щетине вырисовывалась ранняя для тридцати двух лет седина.

Гул сирен скорой перемешивался с привычными звуками Нью-Йорка. На первом этаже здания, персонал бара намывал пол, для этих ребят рабочий день, наконец то, подходил к концу. Один из официантов заметил силуэт в окне и кивнул. Максим ответил улыбкой. По перекрестку с жутким грохотом промчался грузовик, собирающий черные мусорные пакеты, следом одна за другой неспешно проплыли две желтые машины такси. Максим попытался вспомнить на каком моменте оборвался его сон, но так и не смог собрать воедино все осколки воспоминаний. Убрав непослушные волосы назад, он забрался на подоконник, куда за ним последовал и черный кот. Холостяцкая студия начинала наполняться светом. Медленно надвигающаяся предзакатная полоса вплотную приблизилась к, валявшейся на диване, коробке пиццы. Завибрировал мобильный. Короткий рапорт дежурного о найденном теле. Максим аккуратно убрал в сторону успевшего уснуть питомца. Перед выходом он оставил у дверей доверху наполненную чашу с молоком.

Детектив Хансен арендовал тесную квартиру на пятом этаже старого дома на углу тридцать четвертой улицы. Совсем рядом располагался всем известный центральный парк и театр. Логично, что некоторые называли эту часть города театральным районом, хотя большинство горожан ассоциировали эти несколько кварталов только как «адская кухня».

Всеми виной история, случившаяся в конце девятнадцатого века. Общеизвестно, что Нью-Йорк тогда был центром глобальной иммиграции. Люди со всех уголков мира стекались сюда в поисках лучшей жизни. Не исключением были и выходцы из Ирландии, гонимые на родине англичанами, они пытались найти себе место в этом враждебном для них городе. Заселяя в основном среднюю часть острова Манхеттен, они зимовали в холодных полуразрушенных лачугах. В результате, около трети ирландских мигрантов погибли от голода и болезней. Набиравший силу скандал долго оставался без ответа, пока тогдашний мэр города неожиданно заявил, что своими глазами видел, как иммигранты готовили на улице мясо и суп. После этого за районом и закрепилось прозвище – «Адская кухня».

В прислонившихся к стене дома коробках спал бездомный. Дверь резко открылась и ударила о торчавшие кроссовки. Выругавшись из-под коробки, показались чумазая голова, увешанная афро-косичками. Желтые глаза со злобой посмотрели в сторону улицы и спустились обратно на дно коробки. Дойдя до угла, Максим поприветствовал уличного продавца фруктов. Он бережно раскладывал свой товар подсказывая сыну азы их ремесла. Широкие шаги пересекли пустую улицу, а следом и проезжую часть. Высокая фигура детектива устремились к припаркованной у обочины машине.

– Ну и что ты тут делаешь? – открылась пассажирская дверь.

– Работаю на твою мамку. Она просила передать привет, – Томми улыбнулся рядом крупных белых зубов.

Максим, достал из кармана солнечные очки.

– Я рад, что мы начали, говорить об этом. Всегда относился к тебе по отцовский, знаешь ли, – Томми не спеша повернул ключ в замке зажигания.

«Шевроле Импала» медленно двинулась с места на восток в сторону Бруклинского моста. В центре Нью-Йорка в это время можно встретить разве что почтовые грузовики и такси. Классика американского автопрома резко выделялась на пустынной улице города. Спустя пол часа, высотная застройка Манхэттена плавно сменилась пятиэтажной, едва они отказались в Бруклине. Немного захватив фешенебельный район Бруклин Хайдс, Том взял курс на Квинс. Арабские кварталы преобразались в еврейские, русские и доминиканские, дополняя друг друга соответствующим антуражем.

Дорога заняла не больше часа. Продвигаясь вглубь острова, температура воздуха стала заметно ниже. Опустив окно Максим, вдохнул свежий океанский воздух. В небе, тем временем, появлялись суетливые чайки, их громкое сопровождение присутствовало до тех пор, пока детективам не пришлось свернуть вглубь леса, где стояла первая патрульная машина. Азиатской внешности полицейский пил кофе из термоса, при виде подъезжающую машину он сразу же узнал водителя и поспешил надеть фуражку.

– Привет Чайнатаун, далеко еще? – спросил Томми, слегка опустив тонированное окно.

– Вам нужно около двух миль ехать прямо по этой тропинке, не запутаетесь, там одна дорога, – раздался писклявый голос патрульного.

Едва Форд успел проехать несколько футов по свежей тропе, как патрульный набрав сообщение «Они тут» вылил остатки кофе на землю. Тяжелый автомобиль осторожно пробирался в чащу. Мокрая земля раз за разом расставляла колеса прокручиваться и застревать. Проехав вдоль холма, они добрались до места, о чем сигнализировало скопление нескольких полицейских автомобилей. Территория к этому времени уже была оцеплена желтой лентой и патрульными. Им компанию составляли пара тройка журналистов. Невысокий человек с залысиной подбежал к детективам первым, едва они успели захлопнуть двери:

– Эй, парни, я жду Ваших комментариев!

– Отвали, Лесли! – с ходу ответил Том.

– Не очень дружелюбно, но ничего. Так и запишем, спасибо, детектив, – не скрывая улыбки, ответил журналист. Утренняя находка явно воодушевляла его. Он уже прикинул кругленькую сумму, которую ему с радостью выложат за материал об убитой в лесу девушке.

Детективы синхронно прошмыгнули под лентой и направились к месту скопления людей в форме. Немного поодаль, оперевшись на коленки блевал полицейский. В стороне от него, в грубых и высоких ботинках, над ямой возвышалась девушка. Это была Сара Рихтер. Ее пышные рыжие волосы, раз за разом покачивались от ветра из стороны в сторону. Делая записи в блокноте, она изредка раздавала команды сотрудникам местной полиции. Увидев вновь прибывших детективов, ее лицо преобразилось:

– Наконец то! Пока вас не было, мне пришлось в одиночестве держать тут оборону от этих стервятников, – Сара укрывала руки в карманы кашемирового пальто.

– Сара, прости. Стоило мне на долю секунды потерять бдительность, как Томми тут же свернул не туда. Видимо захотел навестить родню на Апеннинах. Введи нас в курс дела, пока ты окончательно тут не заоченела, – попросил Максим.

– Смотрите под ноги, тут ужасно скользко, — указательным пальцем девушка показала в сторону ямы.

Втроем они начали спуск по стальной лестнице вглубь. По краям были предусмотрительно установлены лампы, а стены точечно, наспех обшили фанерой. Крышей служили несколько ровно скрепленных между собой тонких досок с зияющей дырой в центре. Снизу из одного угла прямо до самого потолка держалось бревно, на котором и висело тело.

– Господи, – пробормотал Том и потянулся в карман брюк, в поисках жевательной резинки. Максим, спустившись последним, присел на корточки, чтобы полностью рассмот-

реть жертву с разных ракурсов. Запах, источаемый телом, не давал возможности дышать полной грудью. Пребывание в яме было невыносимым для все троих, но в то же время детективы отлично понимали всю важность первого впечатления. В их кругу существовало мнение, что образ жертвы, сформированный в первые минуты на месте преступления, должен, словно шестое чувство, вести на протяжении всего расследования. Сопоставляя факты и мотивы, вероятных убийц с тем первым впечатлением можно на уровне интуиции отыскать убийцу. Тишину, длившуюся несколько секунд, нарушил женский голос:

– Мы пробили ее отпечатки по базе. Жертву зовут Аманда Хиллс. Ей тридцать три года, не замужем, детей нет. По нашим данным она зарабатывала на жизнь проституцией, жила где-то рядом, в соседнем мотеле. Сегодня у криминалистов смена Дэйва, это он тут все аккуратно обложил лампами. С его слов, судя по характеру разложений, убийство было совершено около двух недель назад.

– Кто ее нашел? – спросил Том, обходя свежие капли крови и блевотину.

– Питер Уилкшер решил устроить утреннюю прогулку с собакой. Она, по-видимому, почуяв труп, привела хозяина сюда. А когда он наступил на одну из досок, крыша не выдержала, и бедолага очутился тут. В общей сложности он провел в яме около получаса, пока его не услышали прохожие и не позвонили в девять один один.

– А кто этот везунчик и где он сейчас? – раздался из угла голос Максима.

– Какой-то клерк, работает в банке в Центре. Он почти весь месяц был в командировке в Англии, вернулся вчера утром. Его увезли в больницу. Он сломал ногу при падении. Как мне кажется, ему еще понадобится помощь психолога.

Максим в это время надел круглые очки и приступил к более внимательному осмотру тела. Вначале, его взгляд упал на ржавые штыри, торчавшие из лодыжек. Они крепко фиксировали ноги девушки снизу. Руками она обвивала опору, а плечи при этом ровно прижимались к бревну парой торчащих из ключиц гвоздей.

– Ей, что язык вырвали? – раздался хриплый голос Тома.

– Убийца его вырезал и видимо забрал с собой, – ответил Максим переместившись в глубь ямы. – Удивляет то, каким образом он тут все подготовил. Очень аккуратно подошел к вопросу декораций.

– Он, переспросил Том. – Не рано ли ты определился с полом, Макси? На мой взгляд, так изувечить тело способна и женщина, – откашлявшись добавил, – чтобы убийство выглядело «типично мужским».

Сара скептически взглянула на Тома:

– У тебя, закончилась таблетки? Или что?

– В первую очередь вся эта конструкция. Вряд ли женщина способна смонтировать тут все таким вот образом. Только если она была не одна, – начал рассуждать Максим, – а если он действовал в одиночку, то ему потребовалось не меньше месяца, чтобы все тут подготовить. Скорее всего, использовал, только то, что смог найти в лесу или на ближайших стройках. Так убийца лишил нас шанса выследить его по использованным тут материалам. Сара, тебе нужно поднять архив и просмотреть старые дела, в том числе раскрытые. Может, есть что-нибудь похожее по почерку. Вряд ли это его первая жертва.

Максим, бросил взгляд на наручные часы, зеленая стрелка приближалась к цифре восемь.

– Пока не готов отчет криминалистов работаем по шаблону. Нужно попросить патрульных опросить местных жителей. На случай если они видели или слышали, что-нибудь странное. Том, на тебе опрос проституток, у тебя вроде бы есть надежные информаторы. Нам нужно узнать, когда и с кем видели девушку в последний раз. Как только пойдем смысл ритуала сможем построить портрет убийцы.

Максим вытер лоб, покрывшейся за несколько минут пребывания в яме испариной, снял очки и направился в сторону лестницы. Сара и Том последовали следом. Том попытался что-

то объяснить, в то время как Сара, подняв воротник у пальто и убрав руки в карманы ускорила шаг. Пара экспертов, в белых герметичных костюмах, дождавшись своей очереди, приступили к транспортировке тела на носилки.

Лиам Смит

Чистящее средство еще не успело выветриться с пола. В воздухе летал резкий цветочный запах. Максим, оставляя на паркете трафаретные следы, двинулся в конец коридора. Он извинился перед уборщиком, натирающим витрину до блеска. За стеклом в ряд висели фотографии полицейских. Один из них, в черном, идеально выглаженном костюме, встретился Максиму выходящим из кабинета.

– Паркер, вы как девчонки из журнала для взрослых, – успел он прокомментировать фотографии прежде, чем дверь закрылась.

Капелька пота у лопатки уже начинала свой путь вниз. Он на ходу снял куртку и небрежно бросил ее на кресле в приемной. Максим надеялся, что разговор с начальником полиции не продлится больше запланированных десяти или пятнадцати минут. Минуту секретаря, обсуждавшего по телефону детали ужина, он, трижды постучался. Не дожидаясь ответа, Максим слегка приоткрыл тяжелую деревянную дверь:

– Хансен, наконец-то! – сказали внутри.

Детектив, разместился на краю кресла. Лиам Смит с внимательным видом осматривал запонки. Цвет его слегка старомодного костюма тройки идеально сочетался с массивными ботинками на толстой подошве. Он прекрасно это знал, но любил слышать это от своих подчиненных. Начальник полиции привычным жестком взглядом на часы, чтобы намекнуть Максиму о его опоздании. Детектив Хансен лишь напряг губы и отвернулся.

– Какие новости Максимум? – ровно постриженные усы скривились в притворной улыбке.

– Как вам известно, Сара и Том приступили к расследованию тела девушки. Ее труп нашли сегодня утром в одном из парков Лог-Айленда, – спокойно ответил Максим.

Он хорошо знал, что Мистер Смит больше предпочитает слышать свой голос, нежели кого-то еще. Не говоря уже о голосе детектива Хансена.

– Ты читаешь газеты, сынок? Скорее всего, нет, ведь сейчас есть Гугл, верно? – ухмыльнулся Смит. – Я раньше тоже не читал, но примерно пятнадцать лет назад супруга убедила меня купить дом в Нью-Джерси. Знаешь, в чем проблема людей, живущих в Джерси? Это не только кошмарных размеров налоги на недвижимость. Это то, что тебе нужно каждый божий день, утром добираться до работы и обратно, на долбанном поезде. Меня это так сильно раздражало, вначале, и чтобы как-то отвлечься, я взял за правило в поезде листать свежие выпуски газет. Говоря откровенно, именно так и коротали время большинство остальных пассажиров. Так вот то, что я прочитал сегодня в утреннем «Таймс» меня, честно говоря, расстроило. Я не буду пересказывать тебе всю статью этого журналиста, передам лишь ее основную идею: «характер нанесения травм может свидетельствовать о том, что это не первая жертва». Конечно, это всего лишь предположение, но, так или иначе, такого рода выводы добавляют головной боли таким ребятам как мы с тобой, верно?

– Пока рано делать выводы, тем более такие, но версию о серийной убийце мы, к сожалению, пока не можем исключить, – ответил Максим.

Лиам Смит, сжал зубы и бросив на стол стопку скомканных листов подошел к окну.

– Я думаю, что для такого профи как ты, потребуется не больше двух дней на это дело. Как ты, наверное, заметил, у нас и так очень низкая раскрываемость в этом месяце, так что статьи в газетах в стиле Джека Потрошителя могут очень плохо отразиться на нашем с тобой будущем, сынок.

Максим терпеливо ждал, время от времени, разбавляя кивками длинные реплики шефа. Левый глаз начальника полиции слегка косил, поэтому Максим намеренно смотрел в пол. Актерскому таланту Лиам Смита нашлось бы место в Бродвейских мюзиклах и постановках, его картинная бравада на собраниях в мэрии походила на четко отрепетированное выступле-

ние. Не обладая сверхвысоким интеллектом, Смит на уровне инстинктов, умел подстраиваться к нужным ему людям. От исчерпавших лимит доверия детективов он легко избавлялся. Обыгрывая их так, что они выглядели логичными и своевременными.

– Статья – это еще пол беды. Знаешь сколько звонков от высокопоставленных лиц, живущих на побережье Лонг-Айленда, я получил только за последний час? Всех их волнует безопасность. И я их прекрасно понимаю. В силу сложившихся обстоятельств, мы не можем ее гарантировать. Я повторяю, что у тебя два дня. Такой опции как «отсрочка» больше нет, – сухо резюмировал Смит и снова взглянул на часы.

Каждое из семидесяти семи полицейских участков Нью-Йорка имеет одну общую деталь – зеленые фонари, установленных по бокам от главного входа в здание. С момента основания города, голландцами был учрежден городской дозор в функции которого входило патрулирование и охрана порядка. В ночное время дозорные носили с собой зеленые фонари, а когда они возвращались с патруля к месту сбора, то вешали фонари у входа в здание. Таким вот образом, они говорили горожанам, что дозорные на местах и город под защитой.

Украшенная по бокам зелеными фонарями, дверь распахнулась. Максим, по привычке, потянулся в карман. Сообщений от Сары или Тома не было. Восемь тридцать утра. День обещал быть дерьмовым.

В действительности Максиму нужна была пауза. Минутная пауза и он сделал глубокий вдох. Холодный воздух минуя горло оказался в легких. Кто сказал, что для медитации нужна тишина и покой. Своим примером детектив Хансен доказывал обратное.

Всякий раз, когда дело касалось гласности, Максиму становилось не по себе. В полиции начинали ходить слухи о том, что его собственный отец был убийцей, или если точнее – наемным убийцей. Именно поэтому, некоторые из коллег избегали, а кое кто уже начинали в открытую выражать неприязнь.

Около тридцати лет назад тело его отца со следами пыток нашли в мусорном пакете возле остановки. В тот же день мать увезла Максима на север страны и даже спустя годы, продолжала бояться. Она считала, что убийцы отца не успокоятся, и будут мстить сыну. Именно поэтому Хельга Хансен выступала против того, чтобы ее сын возвращался в Нью-Йорк. Перед поступлением в университет он, все же согласился взять девичью фамилию матери, и постарался забыть все, что связывало его с отцом. Напоминанием о детстве остались только кошмары, терзающие его с завидной регулярностью.

Холод

Открыв дверь в подвал Максим почувствовал, как второй раз за утро, его грудь непроизвольно сжалась. Годы в полиции не привили иммунитет к запаху человеческой смерти. Вдобавок, от пронизывающего внизу холода, кожа покрылась мурашками. Атмосфера была соответствующе угнетающей – остро ощущалась нехватка света в помещении. Единственным его источником были навесные лампы, установленные точно, только над столами для вскрытий. Чуть поодаль, за рядами из тел прикрытых простыней, спиной к двери стоял человек. Его белоснежный халат украшали багровые крапинки крови. Из наушников отчетливо доносились усыпляющие мотивы кантри. Максим сделал шаг в сторону металлического стола, на котором лежало тело Аманды Хиллс. Ее грудная клетка была раскрыта. Именно ею в данный момент и был увлечен эксперт.

– Есть минутка? – рука Максима едва коснулась халата.

– О, Господи! Макси, – мужчина отпрянул, словно его поразила молния. Детектив виновато сомкнул губы:

– Извини, Дэйв. Не хотел тебя пугать.

– Ничего, я как раз добрался до причины смерти, – патологоанатом убрал наушники в сторону и начал объяснять, – как я и предполагал, у бедняжки не выдержало сердце. Как ты, наверное, догадался, убийца изрядно над ней поработал. Вначале удалил жертве язык и глазные яблоки. После чего еще живую прибил к бревну. На мой субъективный взгляд, бедняжка еще показала чудеса стойкости.

– Есть ли следы изнасилования, противоестественного проникновения? Либо иные следы убийцы на теле? – спросил Максим.

– Никаких следов, ни под ногтями, ни в зубах, нигде. Но, судя по всему, девушка при жизни вела довольно активный образ жизни, если ты понимаешь, о чем я, – но увидев рассеянный взгляд добавил, – ее тело принимало в себя больше дюжины мужчин ежедневно на протяжении последних лет. Это я тебе гарантирую, плюс она была и наркоманкой с недавнего времени, об этом свидетельствуют вот эти следы на запястьях, – рука в перчатке прикоснулась к лежавшей на столе руке.

– Да, это многое объясняет. Обычно именно проститутки становятся жертвами таких вот изоциренных убийств. Их легче найти, заманить и мало кому интересно, куда они пропадают. Ну а что ты можешь сказать о характере ран?

– Они сделаны не профессионально, но очень аккуратно, рука уж точно не дрожала. Что касается орудия, то им был нож с зубринами длиной около шести дюймов. Интересно, еще и то, что я обнаружил следы гидроксида железа на ранах.

– Ржавчина? А ты раньше видел, что-то подобное, я имею в виду почерк или способ нанесения увечий? – Максим скрестил толи от холода толи от сильного желания спрятать, руки на груди.

– Ну, пожалуй, что за мою славную, более чем пятнадцатилетнюю карьеру еще нет. Хотя, учитывая, как он все обставил, вряд ли перед нами первая жертва. Он провозился с ней не менее пяти часов, при этом большую часть времени жертва была в сознании. Очевидно, что все это дело рук пугающе нездорового человека. Чуть позже я вышлю полный отчет о вскрытии.

– Спасибо, – кивнул Максим, – и медленной походкой направился в темноту, в сторону выхода.

Эксперт, махнул рукой после чего взял дисковую пилу и продолжил работать над трупом. У дверей, Максим взглянул на тело девушки в последний раз. Ее грязные и спутанные волосы сумбурно, едва касаясь, пола, двигались словно стая гадюк, жаждущих выбраться на свободу. Вместе с открытым в ужасе ртом, вид девушки напомнил ему образ поверженной Медузы, кри-

чащей вслед уходящему Персею. Максим не боялся обратиться в камень, но все же поспешил нырнуть в открывшуюся перед ним дверь.

Мотель

Огромная спина покрылась испариной. Ее обладатель весил не меньше двухсот фунтов и с легкостью бы прошел кастинг на роль Снежного человека. Номер был заполнен запахами давно не мытого тела и дешевого виски. В отличие от мужчины, девушка почти не издавала звуков. Ее глаза уставились в потолок и покорно воспринимали происходящее. Терпеть ей оставалось, по подсчетам, еще минут двадцать.

Открытие двери совпало с эякуляцией. Поэтому, даже после того, как Том распахнул дверь в номер, они не сразу обратили на него внимание.

– Эй, Чеширский кот, слезай с нее это полиция, твою мать! – крикнул детектив.

Мужчина неуклюже повалился в бок, как будто пораженный стрелой из арбалета.

– Собирай свое дерьмо и вали отсюда, – сказал Том, пнув в сторону кровати ковбойские ботинки и джинсы, валявшиеся на полу. Мужчина натянул на себя джинсы и бросился в сторону пикапа, припаркованного напротив у входа в номер.

– Серена, мне нужно с тобой поговорить, одевайся, жду тебя снаружи, – скомандовал полицейский.

Том присел на скамью у двери в номер и закурил. Тяжелые тучи медленно проплывали низко над головой. Спустя пару минут, невысокого роста блондинка вышла из номера. Ее болезненного вида лицо хранило на себе остатки вчерашнего макияжа. Она одарила детектива пустым взглядом и приблизилась вплотную. Том почувствовал сладковатый запах пота и поднял глаза на ее жидкие волосы, явно темнеющие у корней.

– Эй коп, есть сигаретка? – Серена вальяжно обратилась к детективу.

– Да, бери, – он протянул ей пачку Мальборо. После чего достал из кармана фото, сделанное утром, – мне сказали, ты ее знаешь. Серена взяла фотографию. Ее лицо тут же побледнело. Едва не уронив, она протянула ее обратно. Воцарившуюся следом тишину разбил проезжающий мимо дом на колесах. Она присела на скамейку и закурила.

– Кто ее так? – голос предательски дрогнул.

– Мы это и пытаемся выяснить. Поэтому расскажи мне все, что ты знаешь о девушке на фотографии. Как давно ты ее видела?

– Она работала в этом районе примерно полгода назад. Тихая. Ни с кем особо не общалась. Все звали ее Аmandой. Девки приходят и уходят. Я не заметила ее пропажу, знала, наверное, что рано или поздно она уедет отсюда, – соврала Серена. Она еще не знала, как относиться к детективу, опыт подсказала ей, что от копов нужно держаться подальше.

– Она говорила тебе о своих планах? – спросил Том.

– Говорю же тебе, она была не из тех, кто много болтает, – раздраженно ответила девушка.

– А у нее были постоянные Клиенты? Когда ты видела ее в последний раз, она была одна?

– Чувак, да я и не помню толком, с кем она была. Вроде последнее время ее доставал, какой парень. Он был странным. Я не понимала еще, зачем чуваку на дорогой тачке, вдруг понадобилась дешевая шлюха, из мотеля. Сам понимаешь, обычно такие ребята обходят нас стороной, – Серена пожала плечами.

Том почесал шею.

– А как он выглядел? Опиши его?

– Говорю тебе, он был дорого одет. Лица я не разглядела, потому-то стояла на другой стороне улицы. Помню, только, что Аманда не хотела иметь с ним никаких дел. Шарахалась от него. Я посоветовала ей тогда, обратиться к местным отморозкам. Они часто помогают нам разбираться с всякими мудаками. Но она была против этого. Просто мотнула тогда головой и ушла. Вроде с тех самых пор я и не видела ее больше.

– А ты помнишь машину, на которой он приехал?

– Тачка у него была, что надо, – слегка задумчиво пробормотала Серена.

– Марка, Серена? Какая марка была у машины, – Том начинал терять терпение.

– Я, тут, по-твоему, тачками торгую? Мне плевать на марки машин, я не разбираюсь в них. Помню только, что машина была темно-синяя. Дорогая с виду. И вообще, я ничего не знаю больше. Мне пора работать.

Серена предприняла попытку встать, но Том поймал ее за запястье.

– В твоих интересах помочь мне найти ублюдка, который способен на такое. Посмотри на фото еще раз, если уже забыла. Я не займу у тебя много времени, – тихо произнес Том.

Даже если бы захотела, Серена вряд ли бы смогла забыть изувеченное лицо подруги. Этот пугающий образ теперь надолго поселится в ее сознании. Серена привыкла бояться уже давно. Но у нее были иные страхи. Как и любую уличную проститутку, почти каждый день ее насиловали. В лучшем случае насильник был один. Зачастую их было несколько. Она хорошо знала, на что способны мужчины. Власть и вседозволенность меняла их. Они становились настоящими садистами. Несколько раз она была близка к тому, чтобы избитой умереть в канаве. Однажды ее вышвырнули из машины на полном ходу. У Серены скопился целый арсенал историй о мужчинах и их «суперспособностях». Всякий раз ей удавалось выживать и жить с этим дальше. Какой-то придурок сказал: «Все, что не убивает, делает тебя сильнее». Услышав это впервые, она подумала: «Я бы посмотрела на твое лицо после того, как ты пройдешь через пятеро парней. Вряд ли тебе захочется жить с этим дальше. Ну и уж точно, сильнее от такого ты не станешь».

Серена приняла решение. Бросив окурок, они, молча, направилась в сторону машины полицейского. Гравий шуршал под ее ногами. В это же самое время, в ста метрах от мотеля, синий Бьюик остановился у голосовавшей на обочине девушки. Девушка громко рассмеялась, а затем раздался звук захлопнувшейся двери.

Участок

Сара не видела смысла в покупке личного автомобиля и довольно часто передвигалась по городу на метро. Согласно семейной легенде, ее прадед и прабабушка были одними из тех, счастливиц, кто выжил в крушении на Мелборн-стрит в 1918 году. Тогда набравший сверхвысокую скорость поезд слетел с рельсов и влетел в стену. В результате той трагедии погибло около ста человек, но по счастливому стечению обстоятельств, пятый вагон поезда почти не пострадал. Именно в нем находились тогда семнадцатилетние Аарон Рихтер и Хая Вельберг. Возможно поэтому, Сара не отрицала свою симпатию к грязным, пролетающим с грохотом тысячи сервизов, вагонам Нью-Йорка.

Уже больше двух месяцев, как она сняла лофт в северной части Бруклина, правда, до сих пор, так и не успела его полностью обставить. Несмотря на это, этнический ковер в центре комнаты и несколько раскиданных по периметру горшков с деревьями, создавали необычайно уютную атмосферу ее новому жилищу.

С первых дней в полиции, Сара взяла за правило, приходить в участок раньше остальных. Во многом, благодаря ей, их кабинет напоминал библиотеку провинциального городка. Вдоль стены от пола до потолка был расположен старенький шкаф, в котором аккуратно в ряд лежали толстые, напоминающие коллекционные издания, справочники по юриспруденции. Напротив окна, на одинаковом расстоянии друг от друга держались три массивных стола. За одним из них на скрипучем стуле, взятом Томом из соседнего кабинета, сидела худощавая, невысокого роста девушка. Напротив нее Сара читала архивные записи с монитора, время от времени делая заметки. Открывшаяся дверь впустила внутрь затхлый коридорный запах. Максим, молча, бросил куртку на стул и привычно запрыгнул на подоконник. Длинные ноги Сары еле умещались в пространстве под столом. Она с озабоченным видом закончила чтение и протерла красные от усталости глаза.

– Единственное упоминание об Аманде Хиллс в полицейских рапортах было пятнадцать лет назад. В отчете говорится, что она не справилась с управлением и влетела в дерево на отцовской машине.

– Ничего себе, а кто-нибудь еще пострадал? – спросил Максим.

Отодвинувшись от монитора, Сара повернулась в сторону окна. Силуэт Максима защищал ее от яркого полуденного света.

– Она была на седьмом месяце беременности. В результате аварии ребенка не удалось спасти. Прокурор даже хотел завести дело по статье «непредумышленное убийство», но все потом как-то сошло на нет.

Серена и Том на мгновение притихли, а потом снова продолжили работу над фотороботом. Максим пригубил кофе из бумажного стакана, стоявшего на углу подоконника. От неожиданного ожога, он поморщился и убрал кофе в сторону.

– А сколько ей было?

– Семнадцать лет. Она вот-вот должна была закончить школу, – ответила Сара, затем повернувшись к записям продолжила:

– Мама умерла, когда Аманда была еще ребенком. Она жила с отцом в их доме.

– Нам ведь нужно уведомить его о случившемся? – спросил Максим.

Сара покачала головой: – Год назад у Мистера Хиллса случился инфаркт. После его смерти Банк забрал себе их дом и продал его уже новым владельцам. Аманда к тому времени уже пропала.

– Вообще никаких следов за пятнадцать лет? – удивился Максим.

– В отчете говорится, что сразу после аварии, она сбежала из больницы. Не взяла ни документы, ни кредитку, ни мобильник. Ничего. До сегодняшнего дня о ней не было никаких

новостей. Мы не знаем, чем она занималась все эти годы. Но судя со слов девушки, которую Том привел пол часа назад. Аманда полгода как вернулась.

– А где находится их дом? Нам, в любом случае, нужно посетить его. Вдруг что-нибудь осталось от старых хозяев.

– Дом расположен на Ривер Стрит, – тут же ответила Сара.

– Боюсь, что нам, с тобой придётся совершить вторую за день вылазку на Лонг-Айленд, – скромно улыбнулся Максим.

– А я боюсь, что ты опять выпил мой кофе, негодник, – заметил Том.

Дом на Ривер Стрит

Двухэтажный дом, в котором когда-то жила семья Хиллс скромно располагался в самом конце улицы. Оранжевый дымоход выглядел не совсем уместно на фоне высокой кирпичной стены, недавно выкрашенной в белый цвет. Рядом с домом был припаркован новенький внедорожник Вольво. Пройдя вдоль ровной череды кустарников, детективы поднялись по ступенькам. Изнутри доносился собачий лай. Сара позвонила. За дверью послышался женский голос. Дверь открыла милостивая девушка в вязанном кардигане, на руках она держала укутанного в одеяло ребенка. Озорные глазки уставились на Максима, одной рукой он держался за маму, а во второй была надкусанная груша.

– Я могу Вам чем-нибудь помочь? – убирая тыльной стороной ладони непослушный локон, спросила женщина.

– Добрый вечер, Миссис Аскерн, Я Сара Рихтер, а это мой коллега Максим Хансен мы из полиции Нью-Йорка, – полицейский значок на мгновение блеснул серебром.

– Что-то случилось? – уже взволнованно поинтересовалась Роза Аскерн.

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов касательно прошлых хозяев этого дома, все-таки вы совсем недавно сюда переехали? – мягко ответила Сара.

– Сделкой занимался мой муж. Он должен вернуться с минуты на минуту, – и замешкавшись, добавила с улыбкой, – если хотите, вы можете войти и подождать его внутри.

– Благодарю вас, – в ответ улыбнулась Сара.

Войдя вторым, Максим сразу же обнаружил перед собой огромного, покрытого густым слоем шерсти, пса. Он был явно заинтересован гостями. Так как Сара вошла в дом первой, знакомство началось с нее. Мокрый нос, словно сканер проходил вдоль ее стройных ног, издавая при этом фыркающие звуки. Сара смущенно пятилась назад.

– Ричи, хватит приставать, иди на место, – стараясь звучать властно, командовала женщина, а затем повернулась в сторону гостей: – пожалуйста, располагайтесь у камина, согрейтесь, а я пока начну готовить ужин.

Пес покорно отступил и улёгся на ковре. Сара и Максим направились в сторону камина и уселись в двух кожаных креслах. В это время женщина отнесла ребенка в кроватку, а сама начала шинковать овощи. Максим обратил внимание на камин. В серебряной раме красовалась фотография семьи Аскерн. Седеющий мужчина, был гораздо старше своей жены. Его яркие, цвета морской волны, глаза резко выделялись на фоне темного цвета кожи. Роза Аскерн держала ребенка на руках, ровно также, как и пару минут назад у порога их дома. Судя по тому, что малыш был совсем крошечным, фото было сделано сразу после рождения их первенца. «Эталонная семья для рекламного ролика» – подумал Максим.

– Миссис Аскерн, возможно вы сможете нам помочь? Вы что-нибудь знаете о семье, жившей в этом доме до вас? – обратился он к женщине грея при этом руки у камина.

– Пожалуйста, зовите меня Роза, на сколько я помню, мы купили этот дом у банка. Судя по всему, прошлые собственники перестали обслуживать кредит и его выставили на торги. Мой муж как раз занимается реализацией залогового имущества, поэтому нам повезло стать его новыми хозяевами по очень выгодной цене. А с прошлыми хозяевами мы так и не встречались, ведь фактически собственником дома всегда оставался банк. Единственное, что осталось от них, это коробка с тетрадками и прочие школьные принадлежности. Я нашла их на чердаке, когда затеяла там уборку.

– Вы позволите нам взглянуть на них? – спросил Максим.

Замешкавшись, женщина оставила готовку и пошла по лестнице вверх. Через минуту она несла небольшую коробку из-под обуви, доверху наполненную мятыми и пожелтевшими от времени листками.

– Я позволила себе взглянуть на рисунки, их автор был очень талантлив. Я не смогла их выбросить и решила положить обратно на чердак. Правда, от одного рисунка я все-таки хотела избавиться, но муж убедил меня его оставить, – улыбнулась Роза.

Она поставила пыльную коробку из-под обуви в центр стола и жестом предложила детективам ознакомиться. Максим сделал три шага, в том числе один над хозяйской собакой, которая к тому времени потеряла всякий интерес к гостям. Он взял в руки стопку мятых листов с карандашными рисунками. Бегло пробежался по ним, пока не остановился на изображении старого корабля в шторм. Он сразу заметил, обнаженный женский силуэт на носу. Вокруг густо заретушированных глаз кружили чайки. Подпись в углу рисунка кто-то превратил в угрожающий судну извилистый водоворот.

– Мы заберем коробку с собой, – словно заикаясь, сказал Максим, отступая к выходу.

В дверях показался Уилл Аскерн. Добродушного вида мужчина успел лишь поприветствовать куда-то спешащих полицейских.

Джессика

Кровь, пузырясь, стекала из ноздрей к щетинистому подбородку. Левый глаз заплыл от пропущенных ударов. Человек на стуле попытался осмотреться, но тело не слушалось – сказывались часы, проведенные связанным, веревками в несколько слоев. Фигура за его спиной затаилась, скрестив увесистые руки сзади. В неестественно прямой осанке человека читалось военное прошлое. Несколькими ровными шагами, фигура приблизилась к стулу. Послышался щелчок от расстегнувшейся кобуры. Мужчина медленно закрыл глаза. Удивительно, насколько спокойно он принял эту, на первый взгляд пугающую, истину. К смерти он начал готовить себя еще в юности, во многом, это и помогло ему выжить. Он попытался вспомнить жену и сына, но его отвлекла резкая боль, от которой глазные яблоки едва не вывалились из орбит. Лезвие, пройдя вдоль черепа, отделило ухо. Окровавленную плоть швырнули в сторону сидевшей рядом псины, которая в миг проглотила ее и игриво вильнув хвостом, уселась, напротив. Теплый поток побежал вдоль ноги. Заполнив ботинок, он выплеснулся на плиточный пол подвала.

Максим проснулся. Тусклый свет окна свидетельствовал о глубокой ночи. Он отдернул липкую, словно паутину, простынь, от чего телефон с грохотом приземлился на пол. Потянувшись за ним, он увидел сообщение от Джесс, но не стал его открывать.

К тридцати годам, Джессика Томпсон уже имела внушительный и весьма комфортный запас средств. Банковский счет ежемесячно пополнялся кругленькой суммой от сдачи в аренду особняка на Бруклин Хайдс. Дом достался ей в результате бракоразводного процесса. Как, впрочем, и квартира неподалеку от Центрального парка, в которой она жила сама. Все это сводило заботы счастливой обладательницы к минимуму. Джесс не стеснялась и не скрывала, что иных целей в жизни, как проводить ее остаток ярко и по возможности в компании мужчин, не имеет.

Послышался стук в дверь. Максим на мгновение задумавшись, все же подошел к двери.

– Не думала, что мое сообщение усыпит тебя, не этого эффекта я ожидала, – картинно выдал женский голос.

Максим, окинув ее беглым взглядом, заметил остатки белого порошка в уголке носа.

– Сейчас я вызову тебе такси, – равнодушно сказал Максим.

Он повернул в сторону кухни оставив, гостью с бутылкой вина у открытой настежь двери.

– Как твои расследования? Этот труп, найденный в парке, ужасно всполошил весь город, не правда ли? – спросила Джессика.

– Не верь всему, что слышишь, особенно от журналистов, многие из них уже давно исчерпали всякий лимит доверия, – тихим голосом бросил Максим в ответ.

– Лично я узнала об этом не из СМИ, вполне возможно, что рассказчик немного приврал или приукрасил историю. Ну, ты знаешь, это довольно популярная практика у мужчин, – окинув квартиру взглядом она улыбнулась.

Повернувшись в сторону, где должна была находиться гостя, Максим обнаружил ее уже обнаженный силуэт. Мокрый от дождя плащ, вероятно купленный в одном из бутиков Сохо, был в тот вечер, ее единственным предметом гардероба. Джессика небрежно бросила его на кресло и смело направилась вглубь комнаты. Обхватив шею, она прижалась губами к Максиму в попытке поцеловать. Он почувствовал сладкий вкус ее помады, в то время как ее правая рука проскользнула вниз и ухватилась за мужской орган.

– Что это с ним?

– Скорее всего, твои холодные руки, – глядя в пол ответил Максим и предпринял попытку отдалиться.

– Нет и нет, – Джессика в несколько быстрых прыжка свела расстояние между ними к минимуму и положила руку Максима на свою грудь.

– Так-то лучше, я начинаю тебя узнавать, – прошептала она.

На губах Джесс появились торжествующие нотки, сменившиеся откровенным ликованием. Вдруг Максим схватил ее за волосы и грубо бросил на стол. От резкого приземления, раздался стон. Его рука поднялась выше, миновав жемчужное кольцо, ухватилась за изящную шею. В упор на него смотрела пара, набухающие от нехватки воздуха, малахитовых глаз Джессики.

Черные чулки скользили между двумя уже мокрыми от пота телами, а комната постепенно наполнялась кислым запахом. Максим повернул Джесс лицом к столу и прихватив рукой за волосы, добавил силы и скорости к предыдущему темпу. Стоны звучали все громче и громче, каждый раз, пока, достигнув пика, не оборвались. Максим выпустил из рук растрепанный пучок волос.

Не оборонив ни слова, он свернул за угол и закрыв за собой дверь, повернул кран. Ванная начинала наполняться паром. Облокотившись локтями на мозаичную стену, Максим подставил спину под приятно обжигающий поток. Он попытался отогнать крики совести и насладиться тысячью впивающихся игл, от которых кожа на спине в миг покрылась мурашками. Пар медленно обволакивал комнату.

Встречи с Джессикой напоминали Максиму детский лабиринт, в котором все возможные пути ведут только к одному возможному выходу. Два года назад Максим сделал замечание двум парням, пристававшим к сидевшей у барной стойки девушке. Как оказалось, Джессика в одиночестве отмечала завершение процесса по разводу. Максим ожидал осведомителя, но в результате так и не дождался, ведь в завязавшейся драке, стоявшей ему выбитого зуба и сломанной кисти, он проснулся на следующее утро в апартаментах старинного дома «Дакота». Закрыв воду, Максим услышал звук домофона. Он подумал, что, вероятно, недавняя гостья забыла надеть плащ, и не дождавшись ответа с улицы, открыл дверь.

ПИНГВИНЫ

Едва Сара переступила порог квартиры, ее поразил сильный запах духов. Довольно агрессивный аромат, под стать его обладательнице – высокой блондинке, встретившийся ей у входа в дом и дружелюбно придержавшей дверь. Сара оставила намоченные «найки» у дверей и прихватив с собой папку со свежими распечатками села за стол у окна.

– В следующий раз, лучше позвони, перед тем как соберешься наведаться ко мне посредине ночи, меня может и не быть дома.

– А кто эта блондинка? – спросила Сара и ее щеки слегка приобрели алый оттенок.

– Лучше скажи, а что это у тебя в папке? – ответил Максим.

– Вернувшись домой, я нарыла немного информации о носовых фигурах на кораблях. И все довольно-таки интересно. К твоему сведению, начиная с шестнадцатого и вплоть до девятнадцатого века, резные фигуры из дерева, установленные на носу судна, были очень популярны при кораблестроении. На сколько я понимаю, они не имели никакой полезной функции и были скорее отличительным признаком владельца судна, но моряки, в большинстве своем подверженные разного рода суевериям, обожествляли их.

В это время Максим бросил чайный пакетик в кружку с логотипом хоккейной команды Питсбург Пингвинс, залил его кипятком и поставил перед Сарой. Вместе с паром вверх поднимался аромат индийского чая с пряностями. Сара обхватила кружку обоими руками и сделав глоток поморщилась:

– Между прочим, отличный чай, в отличие от клуба.

Максим улыбнулся: Напомни мне, сколько кубков Стэнли у Рейнджерс?

– Пока четыре, а у Пингвинс их пять, но ведь я не об этом, – спокойно ответила Сара, удобно расположившись в кресле.

– У Рейнджерс была фора почти в пол века, чтобы насобирать с десятков кубков, да, по видимому, они не видят в этом смысла.

Сара скрестила руки на груди.

– Знаешь, я сейчас поступлю умно и позволю тебе подумать, что ты победил в споре.

– Вот как вы заполучили кусок земли на ближнем Востоке – удовлетворенно кивнул Максим.

– Ну если ты об этом, поберегись каждый десятый житель этого города еврей. Нас много, и мы повсюду. Я бы даже сказала это наш город.

Скромно улынувшись, Сара сделала глоток чая. Только она успела поставить кружку, как ей на колени запрыгнул кот. От неожиданности она вскрикнула. Долго выбирая подходящее место, он нагло улегся на ее ногах и уснул.

– Кстати, об эмигрантах, а где был Томми сегодня? – Максим убрал баночку с пакетиками чая на холодильник.

– После того, как они смастерили фоторобот, Томми отдал его на проверку по всем доступным базам, но, насколько мне известно, из этого особо ничего не вышло. В итоге он поехал патрулировать места скопления проституток.

– Или он придумал всю эту историю с фотороботом, только лишь, чтобы держать ценного свидетеля в безопасности, – донесся голос Максима из гардеробной.

– Да, но других зацепок у нас пока нет, – ответила Сара, глядя спящего кота по мордочке.

– Моя мама учила меня манерам, но все же я задам тебе вопрос, который никогда нельзя задавать.

– И какой же, – заинтересованно повернула голову Сара.

– Ты допила свой чай? Если да, то нам пора, – Максим стоял у дверей, наматывая шарф, в подмышке он держал пиджак.

Сент-Джеймс

Сара уверенно чувствовала себя за рулем массивного Шевроле Тахо. Миновав Манхеттон, дорога стала менее ухабистой и спокойной. Максим молча сидел, скрестив руки на груди. Его задумчивое лицо было устремлено в сторону плавно меняющихся городских пейзажей. На одном из перекрестков, дорогу полицейским перегородила семья хасидов. Их было не меньше шести. Отец семейства, разговаривающий по старой раскладушке, упрямо делал вид, что не замечает машину с символикой полиции Нью-Йорка. Максим выпустил в его сторону несколько ожидаемых колкостей и снова затих.

Вид из окна плавно сменился уютной дорогой в тени деревьев. Сара, смаковала момент. Она мечтала о собственном загородном доме, вдалеке от посторонних глаз. Участки этой части Лонг-Айленда располагались на почтительном расстоянии друг от друга, что добавляло баллов в ее личный рейтинг.

За одним из поворотов лес сменился пустошью. Ее варварски, приспособили под спортивную площадку и застроили соответствующей новому амплуа атрибутикой. Вдалеке был загон, по которому довольно вальяжно прогуливалась пара лошадей. О том, что здание впереди это школьный корпус свидетельствовали только лишь припаркованные рядом желтые автобусы.

Приковывая к себе внимание школьников, полицейский автомобиль проехал вдоль белого забора и остановился. Едва детективы вышли из машины, им навстречу направился высокий мужчина, хромающий на левую ногу. На его белоснежной рубашке отчетливо виднелись пятна пота. Это был директор школы. Френк Мюррей готовился к звонку из полиции все эти дни. Услышав о найденной в лесах острова трупке, он тут же понял, что встреча с полицейскими это вопрос весьма короткого времени. Оставшееся у него в запасе время, он прокручивал в голове возможные сценарии и собственную модель поведения.

На каждом углу говорили об Аманде Хиллс. Даже спустя годы, он все еще ее помнил. Френк Мюррей, тогда только что назначенный на должность директора школы, подвергся критике и упрекам. Как еще он должен был вести себя со школьницей, забеременевшей от одного из учеников? Это бросало тень на всю школу и его самого в первую очередь. В считанные дни Аманда Хиллс превратилась в изгоя. Он сознательно не принимал мер против нападков и издевательств в отношении девушки. Мюррей надеялся, что эти похабные рисунки и записки в ящике заставят ее принять единственно верное решение – поскорее покинуть школу Сент-Джеймс.

Максим поприветствовал директора. Мюррей лишь зажато встряхнул правой рукой.

– Это чудовищное событие глубоко ошарашило всех нас. В том числе и меня. Я был лично знаком с Амандой и ее семьей, – словно плохой игрок в карты, сразу выдал Мюррей плохо зазубренный текст. Лоб директора, на глазах, покрывался испариной. Он нервно поправил жидкие волосы на затылке.

– Именно поэтому я настоял на том, чтобы лично вы встретили нас, хоть это и стоило вам отменой поездки в Калифорнию, – сказал Максим, мягко улыбувшись.

– Разумеется. Конференция может и подождать. Пройдемте внутрь, – директор вежливо открыл перед детективами дверь, украшенную старинной росписью.

Они в ряд шли по мраморному полу вдоль витражных окон. В кабинет вела натертая до блеска лестница из цельного массива дерева. В конце коридора, располагался кабинет директора, об этом красноречиво свидетельствовала крупная надпись на стекле.

– Вы, наверное, заметили, что как снаружи, так и внутри наше учебное заведение не выглядит, как обычная школа? – удобно разместившись в кожаном кресле, сказал Мюррей. Он бросил косой взгляд на Сару, а потом и на Максима.

– Здание скорее напоминает дом бутлегера, чем школу, – ответил Максим, разглядывая обои с изображенными на них павлинами во всю стену.

Нахлынувший беспорядок эмоций потихоньку затихал. Мюррей расстегнул пуговицу сорочки и по-доброму улыбнулся.

– Как ни странно, но вы правы, – начал он. – Здание построено в конце 1920 года. Его хозяин, как и многие в то время, разбогател на подпольной торговле алкоголем. Дом достался городу в дар от его старшей дочери, хотя, скорее всего, это была своего рода плата за прекращение терзавших долгое время их бизнес расследований. Пару лет назад, когда мы чинили стены подвала, то нашли потайную комнату, с несколькими ящиками канадского виски, – протирая мокрую шею платком, сказал Мюррей.

– Можно нам взглянуть на личное дело Аманды, – Максим удивился, как непривычно раздраженно звучал голос Сары.

Директор немедленно достал папку из верхнего ящика комода. Сара, случайно коснувшись его потной руки, брезгливо сомкнула губы. Внутри потрепанной папки были старые отчеты об успеваемости и несколько школьных фотографий.

Директор вытянул на столе руки и откашлялся:

– Аманда была очень талантливой девочкой, – сказал он, – она часто помогала нам делать занятия более интересными. На сколько мне известно, Аманда мечтала в будущем построить карьеру в школе. Весь наш преподавательский состав и я лично поддерживал ее в этом. Эта чудовищная авария, как порой жесток случай, – начал сокрушаться директор.

– Вы раньше видели этот рисунок? – не успел Мюррей начать новое предложение, как ветхий листок оказался на его столе.

Директор, словно выброшенная на берег рыба, пытался втянуть в себя, как можно больше воздуха, маскируя это под зевок:

– Это не похоже на то, что Аманда готовила к урокам, – вытерев лицо рукавом рубашки, отозвался голос.

– Мистер Мюррей, а кто из учителей Аманды работает сейчас? – спросил Максим.

– Многие уже сменили место работы. До недавнего времени Миссис Форсайт была последней, но она пропала в прошлом году.

– Пропала? – Сара повернула голову в сторону стены. Там небрежно облокотившись, стоял Максим.

– Это скорее вопрос вашей области – директор обнажил неровные зубы и искоса посмотрел на образовавшуюся, на груди щель в рубашке Сары.

– В каком году вас привлекали за сексуальные домогательства? Это было так давно, почти что двадцать лет назад. Именно поэтому вам пришлось сменить должность декана в мичиганском университете? – голос Максима звучал тихо и медленно, – а ваш брат, если мне не изменяет память, будучи прокурором небольшого городка в Айдахо, вместе со своими подчиненными изнасиловал практикантку.

Френк Мюррей, молча уставился в тень, из которой доносился голос. Минувя одну морщину за другой, капля пота, спускалась вниз, пока не добралась до кустистой брови. Сквозь широкие ноздри проходил поток обжигающего воздуха, от чего редкие волосы, словно стая подвыпивших моряков у кабака, качались из стороны в сторону.

– С вашего позволения я приоткрою окно, – Максим сделал несколько шагов вперед. Старый механизм, со скрипом поддался, пропустив внутрь волну свежего воздуха.

– Что вам нужно? – похожий на скрежет старого мотора голос.

– Вам потребовалось не больше семи минут, чтобы из состояния полной тревоги и истерии перевоплотиться в агрессивного, готового к нападению, хищника. Вам не кажется, что это сценарий биполярного расстройства личности? – все тем же убаюкивающим тоном спросил Максим.

– Вам нужен Джо Макбрайд, это он ее обрюхатил. С детства его преследовали неприятности, но папенькин мешочек с золотом, всякий раз выручал негодника. Не прошло и месяца, как после исчезновения Аманды, он бросил школу. Вот мы и выдохнули тогда.

Поток детских голосов резко пробудил комнату. Максим приоткрыл дверь и подмигнул Саре. Она тут же преодолела несколько футов кабинета и засеменила в сторону лестницы. Мюррей не смог удержаться, чтобы не проследить за движениями ее бедер. Спустя мгновение, он встретился глазами с человеком, застывшем у порога:

– Хотел только напомнить, что вам не следует в ближайшее время покидать границ штата, директор, – бросил полицейский.

Как только дверь захлопнулась, директор школы взял со стола стакан и дрожащей от злобы рукой наполнил его до краев. Затем он положил на стол старомодной формы бутылку от виски. На ней едва заметно просачивалась надпись «1933».

Подкрепление

Из колонок новенькой стереосистемы доносились «The Doors». Томми широко раскрыл рот и опустил туда остатки хот-дога. Сделав несколько вращений челюстью, он застыл с блаженным видом. Его крепкая рука потянулась к приборной панели, на которой стоял стакан с содовой.

– Слушай, а ты уверен, что нам нужно это делать? – спросил Томми смачно отрыгнув.

– У меня сейчас дежавю, я рассказывал тебе про Клэр?

– Макси, ценю твою откровенность, но мы уже пару часов сидим напротив заброшенного дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.